

Далекий колокольный звон спугнул стаю птиц. Он видел, как Седрика, окруженного товарищами по команде по Квиддичу, провожали в замок. Эта группа казалась созвездием, излучающим собственный свет, а он был лишь наблюдателем, бережно укутанным тенями под буком.

Джейми жил, словно улитка, вечно прячущаяся в своей раковине, и этим буком была его раковина. Он вовсе не был лишен чувствительности к теплу внешнего мира — напротив, к чужой доброте и попыткам сблизиться он относился с почти болезненной чуткостью. Подобно усикам улитки, стоило лишь слегка коснуться их, как он тут же пугливо втягивался обратно.

Он отчетливо помнил, как в первую неделю учебы на уроке заклинаний одна когтевранка с улыбкой спросила, не хочет ли он попрактиковаться в Вингардиум Левиоса. Тогда он так разнервничался, что пальцы его одеревенели, а голос дрожал — в итоге перо взорвалось, забрызгав лицо девочки чернилами. Она не разозлилась, а лишь добродушно рассмеялась, но с того дня он всякий раз подсознательно избегал ее взгляда. Та доброта была слишком яркой, заставляя его чувствовать, что его собственные тени не имеют места, где можно было бы укрыться.

Он помнил и то, как в гостиной Пуффендуя однокурсники горячо приглашали его сыграть в Плюй-камни. Но всякий раз, когда он, набравшись храбрости, садился за стол, слушая их оживленные беседы, ему казалось, будто между ними стоит толстая прозрачная стена. Он видел их радость, слышал их голоса, но не знал, как пробить эту преграду и влиться в компанию. Его реакции всегда были с опозданием, улыбка казалась натянутой, и после нескольких таких попыток приглашения становились все реже.

Он был слишком знаком с привкусом утраты.

От смутного тепла Леноры Ислин до недолгого приюта у сменявших друг друга приемных родителей, а затем — к эфемерной дружбе в приюте. Каждое краткое обладание сопровождалось еще более долгой потерей и еще более глубокой болью. Подсознательно он чувствовал: если не пытаться удержать, то, когда придет время потери, возможно, будет не так больно. Не начнешь — не закончится. Не будешь иметь — не потеряешь.

Доброта Седрика была подобна зимнему солнечному свету, равномерно разлитому вокруг — теплomu, но не обжигающему, что дарило ему чувство безопасности. Ведь тот свет был предназначен для всех, и ему было достаточно наслаждаться лишь крохами тепла, не боясь, что однажды этот свет заберут именно у него.

Поэтому он предпочитал каждый день в одно и то же время приходить под это дерево, наблюдая, как толпа течет мимо, словно ручей. Он знал, какая пуффендуйка по средам после обеда тайком тренирует танцевальные шаги, и знал, кто из гриффиндорцев любит здесь делиться пирожными, украденными из кухни. Он был знаком с ними, как молчаливый летописец, но никогда не позволял себе стать персонажем их историй.

Пушистик зевнул у него на макушке, потираясь розовым мехом о челку. Снежок свернулся

калачиком у него на коленях, обнимая лунный камень, умыкнутый у Снейпа, и крепко спал. У него были эти молчаливые спутники, которые не требовали от него ответа, и, казалось, этого было достаточно.

В подземелье перо Снейпа замерло над пергаментом, оставив большое чернильное пятно. Перед ним лежала открытая древняя книга заклинаний, на одной из страниц которой было начертано витиеватыми рунами: Пассивно-избегающее социальное поведение обычно берет начало в тяжелых травмах ранних привязанностей... Рядом красовалась его размашистая пометка: Глупость. Неизвестно, относилось ли это к выводу в книге или к мальчишке, который предпочитал компанию дерева.

В пятницу на уроке зельеварения, когда Джейми по привычке направился к месту в углу, он обнаружил, что столы у котлов принудительно распределены на пары. Холодный голос Снейпа разнесся по классу:

— Предположим, вам в будущем придется вместе готовить противоядие в больнице Святого Мунго — а сейчас учитеcь терпеть своего напарника.

С появлением напарника урок зельеварения превратился для Джейми в бесконечную пытку.

Его случайно поставили в пару с тихой девочкой из Когтеврана. Всякий раз, когда она из вежливости делала шаг ближе, желая проверить, как он нарезает ингредиенты, или указывая на малейшее отклонение весов, Джейми, словно испуганный флоббер-червь, резко отдергивал руку, а его спина напрягалась, как натянутая тетива.

Неловкость. Каждое движение становилось скованным и неуклюжим. Рука, которая прежде могла точно нарезать водоросли по 0,3 сантиметра, теперь мелко дрожала, и кусочки получались неровными. Отмеряя порошок из сонных бобов, он, хотя и смотрел на шкалу, в голове ощущал пустоту и перепроверял все несколько раз, прежде чем решиться высыпать в котел. Каждое доброе замечание или вопрос напарницы были подобны камню, брошенному в хаотичное озеро его души, вызывая рябь, мешавшую сосредоточиться.

Сплошные ошибки. Сначала он опрокинул коробку с иглами дикобраза, затем по ошибке добавил корень нарцисса вместо корня валерианы. К счастью, Снейп, словно имея глаза на затылке, точно взмахнул палочкой, применив заклинание очищения, и бросил ледяную насмешку:

— Мистер Ислин, если ваш мозг не был раздавлен троллем, вы должны были заметить, что эти два корня различаются как минимум тремя оттенками цвета!

Он чувствовал на себе беспомощный взгляд когтевранки, что заставляло его чувствовать себя еще ничтожнее. Знакомое чувство паники — когда тебя рассматривают и, возможно, вот-вот разочаруются — холодными лианами обвило его сердце, сжимаясь все сильнее. В груди стало тесно, кончики пальцев охватило привычное легкое онемение, а на периферии зрения замерцали золотистые искры — предвестники нестабильной магии.

Зелье для подавления магических выбросов расходовалось гораздо быстрее, чем раньше.

В тот вечер, когда отработка в подземельях закончилась, Снейп бросил ему флакон с серебристым зельем. По инструкции ему следовало принимать по две капли каждую ночь, но с тех пор, как ввели парную систему, ему приходилось тайком принимать его почти через день. Уровень жидкости во флаконе падал с пугающей скоростью.

Холодная жидкость временно умирала мятеж, готовый разорвать душу на части, позволяя ему перевести дух после паники и ненависти к самому себе, которые едва не поглощали его целиком. Он знал, что это неправильно, и если Снейп узнает, то наверняка осыплет его самыми ядовитыми насмешками, но он не мог остановиться. Это зелье было его единственным спасательным кругом.

В кабинете в подземелье Снейп смотрел на изображение в хрустальном шаре: Джейми, спрятавшись в кабинке туалета после отбоя, дрожащей рукой отмерял чрезмерную дозу зелья. Он бесстрастно взмахнул палочкой, и флакон с двойной дозой, концентрация которого была искусно разбавлена, бесшумно заменил почти пустой старый пузырек на тумбочке у кровати мальчика.

В тот момент, когда звенел звонок с урока, Джейми, словно встревоженная птица, вскакивал с места. Он не успевал собрать разбросанные перья и пергамент и часто игнорировал попытки соседки по парте завязать разговор, просто запихивал вещи в сумку и, не оглядываясь, нырял в поток выходящих из класса учеников.

Он двигался так быстро, что полы мантии развевались, задевая чернильницы на соседних столах или сталкиваясь с однокурсниками. Ему было не до этого. Ощущение удушья после часа вынужденной близости с людьми в замкнутом пространстве нахлынуло волной, и ему нужно было немедленно сбежать туда, где он мог бы дышать в одиночестве.

Он пробирался сквозь толпу, как испуганная рыба, плывущая против течения. Смех, разговоры, обсуждения планов пойти в библиотеку или во двор превращались в размытый фоновый шум, бывший по барабанным перепонкам, но не проникавший в сознание. У него была лишь одна цель — тот самый бук или тихая дверь спальни Пуффендуя.

Он никогда не оглядывался, поэтому не видел, как после его поспешного ухода когтевранка иногда смотрела на его пустое место и тихо вздыхала. Не видел он и того, как Седрик порой прерывал беседу с друзьями, а его взгляд с едва уловимой тревогой провожал быстро исчезающую в дверях фигуру.

Тем более он не мог видеть, как у преподавательского стола черная, казалось, вечная фигура в момент его вылета из класса поднимала взгляд от проверяемого пергамента. Черные глаза Снейпа, словно острейшее поисковое заклинание, точно фиксировали этот суетливый, бегущий силуэт, пока тот не исчезал за поворотом коридора. Брови профессора зельеварения едва заметно хмурились, а перо в его пальцах оставляло на пергаменте короткое, глубокое чернильное пятно.

Вечером Джейми, как обычно, сидел в углу и ужинал. Парящие в Большом зале тыквенные фонари бросали теплые блики на золотые тарелки с едой. Джейми сидел в самой тени за столом Пуффендую, осторожно разрезая печеный картофель на идеально равные кусочки. Снежок возился в салфетке у него на коленях, пытаясь подцепить вилкой горошину, а Пушистик свернулся розовым клубком в волосах на макушке.

И в тот самый момент, когда он поднес ложку супа ко рту:

— БАБАХ!

Двери Большого зала с грохотом распахнулись. Профессор Квиррелл, спотыкаясь, вбежал внутрь, его тюрбан съехал набок, а на лице застыл преувеличенный, почти театральный ужас. Он, пошатываясь, добежал до кресла профессора Дамблдора, едва не рухнул на пол и дрожащим голосом закричал:

— Тролль — в подземелье! Я думал, вы должны знать!

Сказав это, он закатил глаза и упал в обморок прямо на пол.

После секундной тишины паника, словно огромный камень, брошенный в спокойное озеро, подняла волну криков. Ученики вскакивали со своих мест, грохот стульев, звон посуды, испуганные вопли сплелись в хаотичную симфонию.

Джейми застыл. Ложка упала в тарелку, брызги супа запачкали мантию, но он этого не заметил. Тролль? То самое могучее, глупое, но смертельно опасное существо из Руководства по защите от темных искусств? В подземелье? Так близко к гостиной Пуффендую?

Ему стало трудно дышать, окружающие крики и хаотичные тени казались доносящимися сквозь толщу воды, размытыми и искаженными. Кончики пальцев онемели, на периферии зрения замелькали знакомые золотые искры — паника провоцировала нестабильную магию внутри него.

За преподавательским столом Снейп вскочил в тот же миг, когда ворвался Квиррелл. Его взгляд, словно острое лезвие, пронзил весь зал, быстро выделив мальчика с бледным лицом у края стола Пуффендую. Его губы беззвучно шевельнулись, словно он хотел что-то сказать профессору Макгонагалл, но в итоге плотно сжались в тонкую линию. Взмахнув черной мантией, он быстро покинул зал вместе с другими преподавателями, чтобы разобраться с троллем.

В царившем хаосе старосты пытались навести порядок, направляя учеников в спальни. Голос Седрика звучал отчетливо:

— Пуффендуйцы, за мной! Без паники!

Но его взгляд тревожно рыскал по толпе, пока он не увидел ту самую фигуру, застывшую в углу.

Все вокруг внезапно словно погрузилось под воду.

Крики однокурсников, грохот мебели, тревожные выкрики старост... все эти звуки, достигая ушей Джейми, искажались, превращаясь в постоянный высокочастотный гул. Этот звук резонировал в черепе, заглушая все остальное, оставляя лишь головокружительный шум.

Его зрение тоже стало странным. Движущаяся толпа превратилась в размытые цветные пятна, теплое свечение тыквенных фонарей исказилось в дрожащие круги. Он видел, как открывался и закрывался рот Седрика, словно тот что-то кричал, но не разбирал ни слова. Он видел, как люди, словно испуганное стадо, устремились к выходу, но их движения казались замедленными, липкими.

Онемение пальцев быстро распространилось на всю ладонь.

Он попытался встать, чтобы последовать за толпой, но ноги не слушались. Грудь словно придавило чем-то тяжелым, каждый вдох давался с невероятным трудом. Тот флакон серебристого зелья, что он принял утром, казалось, полностью потерял действие. Магия беспокойно металась в венах, словно запертые птицы, бьющиеся о прутья клетки в поисках выхода. Он даже чувствовал, как полы его мантии шевелятся сами собой, а температура воздуха вокруг едва заметно повышается.

Снежок на коленях беспокойно заерзал, холодными лапками хлопая его по запястью, пытаясь вернуть в сознание. Пушистик сполз с его макушки, распушив розовый мех, и издал пронзительный писк, потираясь о щеку.

И в тот момент, когда ему показалось, что он вот-вот разорвется от этого беззвучного крика и бушующей внутри магии —

Холодная, мощная и знакомая аура властно пронзила барьер гула, изолировавший его от мира. Словно кинжал, пропитанный ледяным холодом, она точно вонзилась в глубину его хаотичного сознания.

Он даже не понял, как это произошло, лишь почувствовал, как холодная и сильная рука крепко схватила его за плечо — с такой силой, что, казалось, вот-вот раздробит кости. В следующую секунду его с непреодолимой силой рванули с места, грубо выдергивая из водоворота хаоса.

Это был Снейп.

Профессор зельеварения вернулся, и теперь стоял перед ним, черная мантия развевалась от стремительных движений. На его восковом лице не было ни эмоции, но черные глаза, словно два глубоких колодца, намертво зафиксировали расширенные зрачки Джейми.

— Возьми себя в руки, Ислин.

Голос Снейпа не был громким, но прозвучал как ледяное заклинание, пробившись сквозь оглушительный звон в ушах и отчетливо ударив по сознанию.

— Глубокий вдох. Сейчас же.

Командный тон, не терпящий возражений. В то же время Джейми почувствовал, как стабильная и мягкая магия через руку Снейпа начала проникать в его тело, силой подавляя энергию, готовую выйти из-под контроля.

В углу, где никто не видел, кончик палочки Снейпа слабо светился серебром — мощное заклинание тишины и отвода глаз укрыло их обоих, отрезая от хаоса и случайных взглядов.

Когда Джейми наконец смог вновь отчетливо слышать реальный, постепенно затихающий шум в зале, он понял, что Снейп полуволоком тащит его в отдаленный коридор, подальше от испуганной толпы. Подол черной мантии профессора задевал его все еще дрожащие ноги.

<http://bllate.org/book/20825/2096172>